

УДК 82.01
ББК 83.011

ВОСХОЖДЕНИЕ К ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ТЕКСТА

Рец. на кн.: Воробьева, С. Ю. Автор – текст – читатель:
теория и практика анализа художественного текста [Текст] :
учеб. пособие / С. Ю. Воробьева. –
Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – 120 с.

С.В. Ионова

Русская филологическая культура как базис российского университетского образования в своей истории неоднократно претерпевала изменения, развиваясь в направлении от единой теории и практики русской словесности к резкому размежеванию литературного и языкового знания, а затем к поиску их новых точек соприкосновения и образованию единого «человекообразного» знания. Антропоцентрический подход, который сегодня рассматривается в качестве доминирующей парадигмы гуманитарных наук, ориентирован на рассмотрение целостных объектов культуры сквозь призму человека (Е.С. Кубрякова) и вновь приближает нас к общефилологическому анализу речевых произведений.

Данная методология опирается на терминологические понятия, объединяющие лингвистический и литературоведческий аспекты рассмотрения художественного текста в единое исследовательское поле: *диалогичность, дискурс, коммуникативная ситуация, коммуникативные стратегии, коммуникативный контакт / провал, текст, произведение, сознание, интерпретация, интенция, структура содержания, смысл, знак, слово, образ, означающее, означаемое, нарратив, целостность, энтропия, полифоничность, аксиологичность* и др. Система современных подходов к изучению текстов – традиционного объекта филологии – позволяет уйти от поверхностного семиотического взгляда на содержание текста, слу-

жит целям реконструкции знаний о многомерном художественном дискурсе прошлого и способствуют моделированию процессов его эволюции в настоящем.

Известно, что при дискурсивном рассмотрении художественного произведения равноправными коммуникативными элементами являются *автор*, «стоящий за текстом» (Ю.Н. Караулов), *текст*, наиболее близко (по сравнению с другими знаковыми образованиями) подходящий к онтологии человека, *читатель* как «все-воспринимающий субъект» (М.М. Бахтин). Именно такой, дискурсивный подход, воспроизводящий коммуникативное единство художественного континуума, предложен в новой книге С.Ю. Воробьевой и отражен в самом названии работы в виде неразрывной целостности «Автор – текст – читатель». Подзаголовок книги – «теория и практика анализа художественного текста» – указывает на основную цель автора: ввести, популяризировать и системно представить теоретические и практические основы современного подхода к исследованию художественного текста как части дискурсивной деятельности автора и читателя по конструированию и реконструированию глубинных смыслов произведения (глава 1).

Данная публикация написана в жанре учебного пособия – издания, призванного способствовать воспроизведению кадров специалистов-филологов и предполагающего формирование у них компетенций, связанных с

практическими навыками оперирования целостными текстами.

Учебное пособие С.Ю. Воробьевой имеет современное теоретическое звучание: оно развивает современные представления о тексте, обогащая их знаниями о законах художественного осмысления мира в разных формах – простейших, *монологических* (глава 2), усложняющихся, *диалогических* (глава 3), сложных, *полифонических* (глава 4) и, наконец, в диалектических формах *«открытых структур»* (глава 5). Применение такого теоретического подхода в отношении художественного мира одного автора позволяет обосновывать тезис об особенностях становления и эволюции творческого метода писателя, об этапах усложнения художественной структуры его произведений.

Материалом для демонстрации выбранного подхода в рецензируемом издании стали наиболее крупные и значительные произведения Е.И. Замятина разных лет: «от первой повести «Уездное», сатирически заостряющей злободневные проблемы и ориентированной на эстетику гротеска с ее отчетливо выявляемой авторской позицией, до романа «Мы», с его подчеркнутой экспериментальной поэтикой и неоднозначной символикой» (с. 7–8). Данная логика расположения материала не только отражает теоретико-методологическую установку автора пособия, но и позволяет решить учебно-методическую задачу: способствовать усвоению студентами «стадий постепенного усложнения и самой процедуры анализа», всей многоуровневой методики анализа художественного текста (с. 8).

Логичными и оправданными в этом смысле являются предлагаемые автором задания к каждому из разделов книги. Они отличаются разнообразием форм: *задания на теоретическое осмысление материала, на практические навыки работы с текстом, на владение приемами анализа произведения, на внимание, на запоминание, на эмоциональную верификацию прочитанного, на творческое воссоздание сюжетов и др.* Формулировки контрольных вопросов, безусловно, несут на себе отпечаток креативности и методической грамотности их составителя.

Методология учебного пособия при всей ее научной значимости не является чрезмер-

но усложненной и формулируется вполне афористично и лаконично. В книге, по сути, предпринята попытка рассмотрения художественного произведения как своего рода «места встречи» сознаний автора и читателя, имеющего, однако, имманентную ценность и самодостаточность. Художественный текст понимается как система элементов, «организованных в виде некоей целостности, в которой своеобразно находит отражение мировоззренческая позиция автора, в свою очередь суммирующая его гносеологические, этические и эстетические преференции» (с. 9).

Структура глав книги направлена на полное раскрытие избранной автором методологии и организует учебный материал в соответствии с научающим принципом «от простого – к сложному».

В *главе 1* раскрывается основная гипотеза автора, которая состоит в утверждении мысли о том, что «в структурных особенностях текста объективируется неповторимый характер творческого сознания писателя, вследствие чего структура монологического дискурса будет принципиально отличаться от структуры диалогического» (с. 9). Таким образом, С.Ю. Воробьева, квалифицируя разнообразность методики предприняемого анализа произведений Е.И. Замятина как «имманентный анализ», тем не менее выходит за пределы границ текста как законченного знакового образования и предлагает новый взгляд на художественное произведение с опорой на универсальные и перцептивно осваиваемые свойства текстовой структуры, сквозь которую всегда проглядывают специфические черты сознания автора, и которые закрепляются в когнитивных структурах сознания читателя. При этом «внелингвистический» характер диалогичности текста понимается как потенциальная готовность литературного произведения быть открытым сознанию воспринимающего его читателя (по М.М. Бахтину).

Несмотря на принципиальную незавершенность, неисчерпаемость означаемого текста для читательской рефлексии, анализ текста получает в интерпретации С.Ю. Воробьевой свою определенность, относительную полноту и точность, когда это означаемое находит свое конкретное, выраженное в структуре произведения означающее. *Структура*

художественного текста здесь предстает не как вторичный по своей природе, мертвый атрибут живого содержания, а как «говорящее» устройство, раскрывающее в простых, усложненных и сложнейших формах черты таких затекстовых категорий, как интенции автора, смысл и назначение произведения, его потенциальное воздействие на читателя.

В качестве важнейшего дифференциального свойства, различающего простейшие и сложнейшие структуры повествования, в рецензируемой книге предлагается использовать ориентацию на степень *прямоты / иносказательности* текста. Посредством «прямого» авторского слова, «прямого говорения», без использования иносказания формируются простые монологические тексты, в них комплексы означающего и означаемого будут стремиться к тому, чтобы предельно сомкнуться, совпасть друг с другом (с. 11). Напротив, сложные полифонические текстовые произведения ориентированы на такое расположение означающего комплекса, которое позволяет на разных уровнях художественной структуры создавать иносказательность, «принципиальную незавершенность» слова, образа, текста в целом (с. 12). При этом «принципиальное неравенство комплексов означающего и означаемого формирует особое дискурсивное качество, которое призвано существенно активизировать рецепцию, приобщить читателя к диалогу с авторской *natura creans* (природой творящей) и создать для этого особое пространство – «поле для диалога» (там же).

Содержание *главы 2* раскрывает черты «монологического замысла» автора. В данном разделе на примере произведений Е.И. Замятина «Уездное», «На куличках», «Алатырь» показано, что, несмотря на проявляющиеся элементы диалогичности и даже полифонизма, коммуникативную стратегию автора здесь следует понимать как «сообщение готового смысла», «монологический прямой выход к читателю» (с. 37).

В *главе 3* на примере произведений «Островитяне», «Дракон», «Пещера», «Мамай» продемонстрирована диалогическая позиция Е.И. Замятина-автора, которая во многом связана с выраженной иносказательностью мысли, представлением им в тексте повествова-

ния антагонистических точек зрения на мир. Как убедительно показывает С.Ю. Воробьева, структурный комплекс произведений здесь принципиально диалогичен, он демонстрирует процесс перехода автора «от монологического замысла ранней прозы к формированию эстетической системы, предполагающей уже активный диалог с читателем, вовлеченным в процесс сотворчества» (с. 55), его «доверие к читателю-соавтору», стремление «приблизиться к истине в споре, в диалоге» (72).

Глава 4 посвящена рассмотрению отношения «автор – читатель» в полифоническом романе «Мы», структурное целое которого основано на антагонизме двух полярных центров в характере героя Е.И. Замятина. Логика рассуждения С.Ю. Воробьевой в данной главе позволяет со всей очевидностью подойти к раскрытию механизмов постоянной «дискредитации», «дезаурирования» повествователя, вполне основательно и точно показанных при помощи фактов, извлеченных из сюжетики романа «Мы». Субъектная организация произведения раскрывается как сложная, основанная на постоянной текучести, не-константности мира, с изображением которого экспериментирует автор. Разрастающаяся диалогичность в романе поражает само речевое поведение персонажа, который вступает в диалог с собой (см. авторские комментарии-оправдания) и оправдывает жанр произведения, который трактуется, по М.М. Бахтину, как стихия бесконечных диалогов, «стремящихся к пределу взаимного непонимания людей, говорящих на разных языках» (с. 96).

Все главы книги снабжены удачными схематичными зарисовками, которые должны восприниматься как опорный конспект изложенной трактовки произведения и как синтезирующий элемент, без которого анализ превратился бы в техническую задачу, не обладающую познавательной ценностью.

Концепция рецензируемого учебного пособия удачно сочетает в себе черты теоретичности, методической четкости и творческого взгляда на предмет анализа. После знакомства с содержанием рецензируемого издания представленные в его заголовке элементы «автор», «текст», «читатель» в предложенной С.Ю. Воробьевой интерпретации перестают восприниматься как отно-

сительно автономные образования, а включаются в систему взаимозависимостей и опосредований.

Вероятно, книга С.Ю. Воробьевой во многом бы выиграла, если бы была снабжена глоссарием, списком понятий и терминов, необходимых для освоения современных аспектов изучения художественного текста. Возможно, в ней было бы уместно членение глав на более мелкие разделы, снабженные броскими заголовками. Однако главное, в чем сегодня нуждается рецензируемое издание, – это его популяризация, широкое распространение и внедрение в практику обучения филологов разных профилей, поскольку предложенный «технологичный» способ анализа текстового материала (посредством выделения структуры повествования) позволяет высветить в

нем всю сложность замысла авторов и смысловых комплексов произведения.

Иными словами, рецензируемое учебное пособие формирует умения филологов оперировать инструментарием своей науки для восхождения к высотам филологического и, шире, гуманистического постижения художественного наследия русской литературы.

Книга С.Ю. Воробьевой «Автор – текст – читатель: теория и практика анализа художественного текста», безусловно, будет интересна не только специалистам в области литературоведения, но и представителям общей теории текста, теоретической лингвистики, когнитивистики, а также переводчикам, преподавателям филологических дисциплин и всем интересующимся проблемами выражения авторского сознания в художественном дискурсе.